

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

О романе Михаила Полова "Свиток"

На сайте СПР прочитал отрывок из романа "Свиток". Захотелось увидеть целое. Было вначале опасение по поводу родовой принадлежности сочинения: не из фэнтези ли оно о "попаданцах"? Прохладно относиться к этому жанру. Возможно, не те книги пока довелось читать? И всё же ключевые, священные для северянина слова "Гиперборея" и "Помоносов" перевесили сомнения, взял в городской библиотеке книгу, приступил к чтению. За три дня "прожил" роман.

Быстро? Так ведь и "запойных" буду, из "глотателей" интересное уму и сердцу Слово с огромной скоростью в любое время дня и ночи, в любом положении и месте. Увы, негуд.

С другой стороны, пишущие настоящие книги неторопливо, так же надо их и перечитывать. Вечерами деревенскими и приступил к лечению "болезни". За окнами бескрайний луг мерцает водами пожаловавшей в гости матушки Двины, правый матерый берег темнеет вдаль, небесный океан неспешно меняет цвета. Подобно кучевым облакам текут мысли читателя, типичного "человека нигде" — существа, покинувшего Природу и не принятого в Мир Высшего Разума, однако научившегося задавать вопросы.

Вот и в романе прочитал между строк главные: "кто мы?", "откуда?" и "куда идём?". Отвечает на них обстоятельно, неспешно (для нашего сумбурного века) автор, использует накопленный профессиональный, жизненный, духовный и душевный багаж. Ладно скроен роман, мощь на его архитектонику, живыми предстают герои и участники событий, по-хорошему узнаваемые их образы.

Пытаются люди изобрести машину времени, не понимая того, что идея эта давно воплощена в некоторых книгах. Безусловно, "Свиток" в их числе. Зримо, слышимо, осязаемо в нём давнее и ближее прошлое. Пишет главный герой, Михаил Русанов, сценарий о Михаиле Ломоносове, читатель с нормальным воображением видит фильм.

С картии детства-юности, становления двух Михаилов начинается показ-повествование, с описаний окружающих природной и человеческой сред, радостей и страданий, дружб и любви. Они, а также чувства, мысли, примеры жизни, деяний родных и близких людей, ложатся в основу материала для кля, шангаута, прочих конструкций корабля, отправляющегося в плавание. Не случайны знакомства, обретения, расстава-

Александр ЧАШЕВ

нок, чтобы вновь обрести радость бытия.

О "Чёрном человеке" говорится даже в некоторых легендах. Уверен, встречается и другой человек в судьбе каждого. И даже не один. Бабушки, деды, родители, дяди, тётушки, соседи, друзья детства, иногда учителя, мастера-наставники, командиры, батюшки, преподаватели — да мало ли кто может оказаться "Белым человеком". Для Михаила Русанова, современного персонажа произведения, таким стал Стефан Серафимович. Загадочный образ, написания романа отдельного просит. Были и в судьбе Михаила Ломоносова, другого главного героя романа, светлые люди.

Кстати, о судьбах. Фаталисты говорят об их предопределённости. Судьба для них подобна приговору, вынесенному небесным судом человеку до его земного рождения, окончательно и не подлежащему обжалованию. Один приговорен быть магараджей, другой рабом, третий горьким пьяницей. Огромно это заблуждение толковать слово "судьба", как производное от корня "суд". И лукавство.

Для наших общеславянских предков слово не было примитивным набором звуков, за каждым из них, за любой буквой стояли смыслы, образы, значения. Вот и в речи дедичей звучало не "судьба", а "сутьба". От некоторых бабушек в глухих деревнях его и ныне можно услышать. Суть ба — суть баять = суть сказанного = суть слова твоего. Путь жизненный начинается, творится, создаётся как словами, мыслями путника, идущего по нему, так и предков его. Ибо закон Творения неумолим: "Одно" перетекает в "Другое". Цель жизни Рода одна, мы лишь её звенья.

Путь жизненный каждого из нас начинается, творится, создается. Словом. Слова образуют мысль, мысль — живая энергия. Покидая ум, она не погибает, энергия её

творит жизнь. Книга Сути Слова пишется каждым из нас. Как говорят "философы от фени": "За базар ответишь". За сказанное, подуманное, совершенное по приказу мыслей-слов придётся отвечать как нормальным дочкам и сынкам, так и сучум.

В "современной" части романа мрачным фоном присутствует война. Не закончилась она до сих пор. Счёт незахороненных, без вести пропавших солдат не закрыт. Увы, Пресвятая Богородица молитвенные просьбы во всех матерей исполнила. Юдоль не

Из плоти и крови

полчае светлой, но и горестной, плачевной бывает. Десяткам миллионов матерей, отцов, детей она досталась. Не родились у погибших ребят и мужиков дети, внуки, потомки. Тоже юдоль скорбная. В фильмах и книгах некоторых сочинителей война изображается чуть ли не приключениями лихих ковбоев. А по сути своей была она преомерзительнейшим, противоестественным делом. Такой она предстаёт в скупых воспоминаниях уцелевших в убийственной мясорубке настоящих фронтовиков, не высыпавшихся, замерзавших, голодных, грязных, оборванных, усталых трудяг её.

Такой она была у дяди Феди, "деда" Лещадьева — персонажа романа, миллионов других рабочих фронтовых. И потому всечасные "воспоминания и размышления" полководцев вызывают у меня душевное отторжение, неприятие. Для них солдаты были "живой силой", измерявшейся фронтами, армиями, дивизиями, полками. Для родителей, жён, детей — родными, любимыми людьми, единственными и неповторимыми.

Вот и борются две любви: человека к отечеству и человека к человеку. Отечество — родная страна. Человек подобен Вселенной. Гибнут Вселенные. Есть победа и АПобеда. Второе забытое слово о горе и неудаче говорит. Горька цена победы.

Об уходящей деревне тоскует автор. Хочется вернуться, а уже некуда. Ностальгия. Вот и подумалось в очередной раз: почему в США или в Европе нет нашей "деревенской трагедии"? В тех же штатах один процент населения кормит остальные девяносто девять, за рубежи много вывозит, государство приты фермеров останавливает, выплавляя дотации за сохранение перепелиных гнёзд и произведённую продукцию, поскольку излишки будут не востребованы. Увы, заблудились во времени. Понятно, что жи-

вым людям, по которым так называемые "реформы" ножом прошлись, от этого приговора легче не будет. Идеологи нашего дикого капитализма звались "младореформаторами". Что спросишь с младенцев? Китайский вариант медленного вхождения в рынок их не устроил. Вошли в базар, разрушив всё созданное за многие годы, попали в лета перемен. Вспомнина с ностальгией Советский Союз, забываем, что из него и шагнули в этот развал. Значит, был он званом в цепи, приведшей нас к тому, что имеем. Или

не имеем. Извечный русский вопрос "кто виноват?" будоражит сознание. Себя таковыми не признаём, виноваты всегда "другие" — вожди, начальники, теперь новые буржуи. Но не мы — "маленькие люди", составляющие абсолютное большинство.

На другие извечные вопросы "что делать?" и "с чего начать?" пусть отвечают они — меньшинство. И делают хоть что-нибудь. Виноваты будут опять же они. Грустно это.

Но весна неизбежна. В природе. И в жизни. Надеемся на лучшее. На наших детей и внуков. Забудут они, может быть, первый вопрос. Будут отвечать лишь на второй и третий. И мечтать о любви. Повезло герою романа — была любовь. Жалко обездоленных, пусть им повезёт.

Образ Поли неожиданно вызвал из памяти слова Бенджамина Тиллета: "Помогай Бог тому, кто не женится пока не найдёт совершенной женщины, и ещё больше помогай — когда он найдёт её".

И всё-таки чем дальше в лес времени, тем больше уверюсь: лишь ради любви стоит жить на этом свете. Лики у неё разные. Мудрые вывели "закон наполнения", простые его пункты: хочешь тепла — обогревай других, хочешь получить — отдай, хочешь любви — отдавай любовь, радости желать — радуй. Ибо что излучаем, то и получаем.

Огромна энергия излучения гения Земли Русской. Памятник из Михаила Ломоносова пытаются соорудить, да только тесны гранитные одежды последнему из гипербореев, живым человеком он был, из плоти и крови, с душой огромной и страдающей. Таким он предстаёт в романе.

Читал и порой казалось, что всё это случилось со мной. Стиль, язык изложения высочайшего уровня, словарь богатейший, точные, нешаблонные метафоры. И огромное пространство для размышлений.

О книге Лидии Сычёвой, посвящённой творчеству Валентина Сорокина

Эту объёмную книгу (348 страниц) выпустило в 2016 году (к 80-летию юбилею Валентина Сорокина) издательство КДУ ("Книжный дом — Университет"). Сама Сычёва назвала "Дорогу поэта" своей главной, на сегодняшний день, книгой. С этим нужно согласиться — при том, что Сычёва — автор уже почти десятка книг и прозы, и публицистики, и литературной критики; при том, что из-под её пера уже вышла книга "Время Бояна" (М., 2011), также посвящённая в значительной степени творчеству Валентина Сорокина.

Новая книга "Дорога поэта" отчасти опирается на прежние публикации Сычёвой о Сорокине, но ни в коем случае не является компиляцией ранее опубликованных текстов. Это именно новая книга, написанная заново, от начала до конца, как история путешествий Сычёвой по стране и одновременно как история путешествий вглубь времени: к началу творчества Сорокина, затем — к каждому следующему

в Москве — в 1963 году. Почти сразу наряду с советской темой, и даже мощнее, чем она, начала в его стихах звучать тема русская. Вот фрагмент стихотворения "Я русский", опубликованного в газете "Челябинский рабочий" в 1960 году:

*Я русский терпеливый человек,
Легендами и сказками повитый...
Из века в век меня, из века в век,
Одолевают беды и обиды.*

*Меня палили бешеным огнём,
Меня душили лилипутским арканом.
Меня кололи пилой и копьём
Разнезванные орды Чингисхана.*

*Голодный, непричёсанный, босой,
Лицом закаменев над Русью жалкой,
Я их сшибал оглоблей, струг косой,
Я их пупил простой дубовой палкой.*

Александр АНДРЮШКИН

Поэт русской идеи

этапу его жизни в хронологическом порядке. Поездка на родину поэта на Южном Урале описана в начале книги, хотя не в самом её начале. Открывают книгу рассказы о двух поездках Лидии Сычёвой, вроде бы, не связанных напрямую с творчеством Сорокина: в Карелию и в Волгоград, на Мамаев курган. Но в этих поездках Сычёва (которая вообще много путешествует) размышляла, как всегда, о современном состоянии России, о русском народе и русской культуре.

Эти — *её собственные* — размышления и выводы задают её отношение к поэзии Валентина Сорокина; это — *отношение равного к равному*, что следует особенно подчеркнуть, ибо здесь — наиболее характерная черта всей книги Сычёвой.

Отношение равного к равным не столь уже часто встречается в биографических книгах, среди немногих примеров — биографические очерки Горького, например, о Льве Толстом и о Ленине; Алексей Максимович справедливо считал себя величиной равной по значению этим двум великим историческим фигурам. В таком же духе выдержана книга Федина "Горький среди нас", в которой Федин приводит и свою переписку с Горьким, содержащую нелицеприятную критику произведений классика.

В таком стиле написана и книга Сычёвой о Сорокине: это два писателя равного значения (хотя, конечно, разных поколений). И хотя Сычёва в книге нигде и ни в какой форме Сорокина не критикует, но она даёт собственную интерпретацию того же, о чём писал и поэт; и автору этих строк её суждения представляются порой даже более глубокими и более весомыми (как, кстати, и суждения Федина о литературе в чём-то были точнее Горьковских).

В первую очередь замечая, что интонация Сычёвой более напряжённая и горестная, даже более мрачная, чем у Сорокина. Да, Валентин Сорокин всю жизнь боролся и борется за Россию; он повторял и повторяет, что страна наша, народ наш — на грани гибели. И всё-таки он прожил, в общем и целом, успешную жизнь, хотя, по его мнению (как он сам говорил в своих интервью), в Хрущёвские и Брежневские годы русскости в нашей культуре было ещё меньше, чем сейчас. Тем не менее, Сорокин десять лет работал главным редактором едва ли не крупнейшего в стране издательства "Современник", а затем тридцать с лишним лет (до 2014 г.) руководил Высшими литературными курсами.

Сегодня писателям русского патриотического крыла почти не мешает цензура, это правда. Но в ходу другие приёмы борьбы: государственные дотации ("Роспечать") захвачены либералами (атеистами и западниками), а в интернете и в малотиражной печати искусственно создано изобилие разного рода сумасшедших теорий и экстравагантных самовыражений. Каждый сам себе и издатель, и блогер, и литературный критик: пишут о собаках, кошках, инопланетянах и лишь где-то в самом конце списка — о сознательной политике удущения России.

Потому-то так мрачна интонация Сычёвой. "И вот я еду, еду, и на сердце — неизбывная тяжесть. А небо — большое-большое, синее, ясное, поля лежат на все четыре стороны, а там, дальше, — косогоры, песочек... За селом — кладбище. Небольшое, за заборами. Прибранное... Да, козюла есть родина — умереть нестрашно. Во всяком случае, не так страшно, не так ужасно. Нет родины — и вечный страх, вечные "блуждания", обезьянчьи и приспособление. Нет родины — и инстинктивное уничтожение всех, кто эту родину чувствует, чувствует, кто живёт для неё".

Мрачное мироощущение Сычёвой — не результат какого-то минутного огорчения; это — стойкое и едва ли не основное её чувство по отношению к жизни. Кстати, это очень русское чувство...

В книге Сычёвой мы с этим мироощущением встретимся не раз; пожалуй, оно пронизывает всю книгу, например, размышления писательницы о своём поколении:

"Я пишу о том, что меня волнует, и мне нет дела до того, как всё это соотносится с "официальными концепциями", с "приличиями", с "умолчаниями" и проч. Я пишу, потому что представляю одно из самых оборванных поколений — поколение "шестидесятников" — тех, кто родился в шестидесятые. А оборвали нас другие, "отпелельные", хрущёвские шестидесятники. Это в наши головы вбивали, что Булат Окуджава — "совесть нации", что Евгений Евтушенко — самый яркий поэт современности, а "Двести тысяч шагов" Роберта Рождественского — открытие, равное "Анне Снежиной" и "Евгению Онегину"..."

А литературные шестидесятники — всего лишь сорстка от многочисленных потомков "комиссаров в пыльных шлемах", которые оседлали нашу прессу и ТВ, кино и театр, науку и образование, торговлю и криминал. Мы должны разобраться в нынешней литературной ситуации, чтобы, по мере сил и возможности, восстановить справедливость и прополоть, наконец, поля. Культура, по Далю, есть "обработка и уход, возделывание"..."

На этой цитате я пока прерву разговор о мироощущении и об идеях Лидии Сычёвой и обращусь к стихам Валентина Сорокина.

Биография Валентина Васильевича Сорокина, только что отметившего 80-летие, хорошо всем известна; и всё-таки я напомню, что он родился в 1936 году и печататься начал рано: первая книжка выходит в Челябинске уже в 1960 году (когда поэту 24 года), первая книжка

Я шёл на шахты и на рудники.

Я шёл по льдам, по зарослям таёжным.

А за спиной хихикали враги:

— Иван, куда ты с грамотой лаптежной?

И зверя разъярённого лютей,

Завербовав предателей на помощь,

Они моих наставников, вождей,

Из пистолета убивали в полночь...

Лидия Сычёва комментирует эту последнюю строфу следующим образом: "Поэт пишет о времени репрессий, обвывая врагов в русофобию. (Народ с развитой мифологией — "легендами и сказками повитый") — не может быть малогоратым!) Автор прямо заявляет о том, что черешни "враги", репрессированные поэты — его наставники".

Совершенно правильный комментарий!

Напомню дату публикации стихотворения: 1960 год. Давно уже объявлена

борьба с "культулой личности Сталина" и начата реабилитация чуть ли не всех без разбора. Реабилитируют евреев — жертв борьбы с космополитизмом, и они возвращаются в столицы и занимают различные должности в сферах науки и культуры; реабилитируют крымских татар, и они возвращаются в Крым; чеченцев, и они едут в Чечню и выгоняют тех, кто успел поселиться в обезлюдевшей республике. В этой волне, естественно, реабилитируют и репрессированных русских поэтов, таких как Павел Васильев, Борис Корнилов, как Борис Ручьев, вернувшийся из лагеря и сделавшийся

старшим другом и наставником Валентина Сорокина.

Вновь издают Есенина, многих других ранее запрещённых русских писателей, и, главное, реабилитируется само понятие русской культуры — не советской, а именно русской. Возможно, эта реабилитация и была основной, из-за которой были затеяны все остальные; вот только существовала категория людей, которую отнюдь не собирался прощать Хрущёв: репрессированные православные священники и монахи. Как бы там ни было, но русскость уже не была под запретом, следовало закреплять этот успех, как можно мощнее брать русскую ноту в культуре, что и сделал Валентин Сорокин.

Эту ноту он держит, эту партию ведёт до сих пор.

*Не смогу разлюбить, хоть убей,
Потому что родился не чёрствым,
Эту синюю сонность степей,
Эти звёзды, берёзы и вёрсты.*

Любовь к России — чувство, в котором Сорокин не устает исповедаться; любовь эта — страстная и безоглядная:

*Ты у меня одна, одна
И на земле одна, одна,
Мне на мучения дана
И — на бесстрашие дана!..*

Мне говорить о Родине — как петь,

Как звонкий лук, как тетиву иметь —

И поверять сквозь лающую мелу

Великой речи грозную стрелу!..

Цитировать стихи Сорокина о любви к России я мог бы долго: их очень много, этих лирических стихов, и я воздерживаюсь от их цитирования лишь ради экономии места. В отношении к этой теме я бы сравнил Сорокина с поэтом эмиграции Георгием Ивановым, который тоже создавал целые циклы о любви к России. Однако Сорокин не только свою лирику, но и большие поэмы посвятил именно России, крупным историческим личностям, борющимся за Русь против иноземцев. Я имею в виду такие поэмы как "Евпатий Коловрат", "Дмитрий Донской", "Бессмертный маршал" (о Георгии Жукове) и другие.

В этих поэмах, во многих стихотворениях Сорокин часто повторял следующий полемический приём: гневные тирады, направленные против давно канувших в небытие исторических сил и личностей (например, татаро-монгольских завоевателей, Лжедмитрия и т.д.), на самом деле цитили в современных врагов России, в том числе, и во внутрироссийские сионистские лобби, и это хорошо понимал любой читатель. Ну как можно было не понять, например, следующие строки из поэмы "Дмитрий Донской":

О ярость русских,

Правдивых глаз, прекрасных глаз;

И на широких, и на узких

Путьях — остерегайтесь нас;

Глаза — в глаза, от русской боли

Вам не уйти, мы не простим,

Во имя Родины и воли

Глазастых мы детей растим;

Глаза — в глаза, свободой нашей,

Под цетем зарезанной зари,

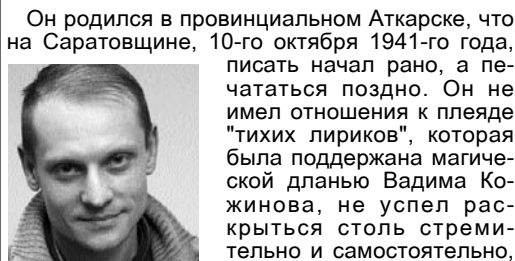
Пришелец, будешь ты окрашен,

И мир разбудят зонары!

Итак, можно сказать, что Валентин Сорокин — поэт одной темы, одной мысли; он — певец русской идеи в её противостоянии с чужеземными идеями. Можно сказать, что он в поэзии делал то же самое, что в прозе Белов и Астафьев; хотя и Валентин Сорокин — автор нескольких книг прозы и публицистики. Его проза — резко протестная, это своего рода сатирические шаржи, что видно даже по названиям книг: "Биллы и дебилы: Роман в ярких документальных расказах" (М., 2003), "Первая леда: проза" (М., 2007), "Макаки в полумраке: Очерки" (М., 2010).

Научиться называть врагом настоящего врага — вот что должен сделать русский человек. Этому учит поэзия Валентина Сорокина, и этому посвящена книга Лидии Сычёвой.

К 75-летию со дня рождения Геннадия Ступина

Илья КИРИЛЛОВ

тернаком, ни с Ахматовой, ни даже с Есениным — у него нет сколько-нибудь значительной духовно-психологической связи. Советская поэзия — это, прежде всего, "скупные песни земли", и каким-то таинственным образом Геннадии Ступину удалось избежать их тяжёлого и плотского влияния.

Генезис его поэзии установить крайне сложно. Единственное влияние, которое просматривается достоверно, — это влияние Александра Блока.

В советские годы его долго не печатали, и первая книга вышла только на излёте эпохи, в 1987-м году. Она называлась "Ясная моя судьба". Зная последующую лирику Геннадия Ступина, дальнейшую его биографию, над

Литература сопротивления

как Юрий Кузнецов. А когда его талант вызрел, окреп, грянула "перестройка", и, признанный в русских кругах, он уже не имел возможности рассчитывать на славу и всероссийское признание — медийное пространство было отдано либералам и русофобам.

Теперь Геннадий Ступин мог бы отмечать свой 75-летний юбилей.

При жизни о нём почти не писали. Но и после смерти, в общем, мало кто спохватился. Лучшей — и едва ли не единственной — публикацией о нём является некролог, написанный Владимиром Бондаренко сразу после смерти поэта в феврале 2012-го года. Бондаренко хорошо знал Ступина, печатал его стихи в газетах "День", "Завтра", "День литературы". Наверное, это неэтично — восхищаться некрологом, но написан он с подлинной скорбью и каким-то трезвым, неуплачившим, высоким сочувствием к Ступину. Конечно, как в любом некрологе, там много общих слов. Но есть среди них строки, в которых критик уловил важнейшую черту судьбы и личности Ступина. "Его не покидала какая-то неприкаянность, неустрашенность, он чувствовал себя всё время "на чужой сторонке"..."

В ранней юности он покинул родные места, приехал учиться в Москву в охотведческий техникум, а потом где только ни работал, где только ни скитался. Москва, видно, и притягивала его, и пугала. Долгие годы то тут, то там обитал в разных посёлках и городках Подмосковья, пока, наконец, не осел вместе с семьёй в окраинном квартале Наро-Фоминска. Позднее он напишет об этом городке с благодарностью как о конечной станции своего бездомного, страннического существования. Но никакого намёка, что это место стал для него родным, ни в поэзии, ни в очерках не найти.

Это тем более удивительно, что у Ступина было острое чувство родины. Никогда он не помышлял об эмиграции, невозможно даже представить его космополитом. Но словами Николая Рубцова, не переваривая их доподлинный смысл, — "с каждой избой и тучею, с ливнем, готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь", — о нём тоже сказать невозможно. Он жил, как бы мняа эти патетические, эти "человеческие, слишком человеческие" связи.

Надо сказать и ещё об одном обстоятельстве. Это — свидетельство Ступина о самом себе, обнаруженное мною в авторском предисловии к его последней прижизненной книге "Красные цветы". Человек мягкий и деликатный, здесь он без колебаний, решительно и отчётливо, говорит о "несовестности" своей поэзии. Сказано это в 90-е годы, но вовсе не конъюнктуры ради. Может быть, даже с сожалением. Действительно, ни с одним корифеем советской поэзии: ни с Маяковским, ни с Пас-

етернаком, ни с Ахматовой, ни даже с Есениным — у него нет сколько-нибудь значительной духовно-психологической связи. Советская поэзия — это, прежде всего, "скупные песни земли", и каким-то таинственным образом Геннадии Ступину удалось избежать их тяжёлого и плотского влияния.

Генезис его поэзии установить крайне сложно. Единственное влияние, которое просматривается достоверно, — это влияние Александра Блока.

В советские годы его долго не печатали, и первая книга вышла только на излёте эпохи, в 1987-м году. Она называлась "Ясная моя судьба". Зная последующую лирику Геннадия Ступина, дальнейшую его биографию, над

этим названием можно с недоумением, а больше с сожалением вздохнуть. Но оправдание ли наше сожаление? Любимый крупный поэт, бывает, как бы о чём-то важном проговаривается, и в данном случае наше недоумение может оказаться и неуместным, и опрометчивым. Если говорить именно о Ступине, то я не знаю поэта, которого бы так сильно притягивал свет, и не какой-нибудь сказочный луг, а природный, ясный, дневной. Вот — одно из ранних стихотворений:

*Ещё мороз, и снег глубокий,
Как мразор, прочен и тяжёл.
Но уж весенний свет высокий
В сугробах гладких отражён.
И здесь, в глуши сибирской эде-то,
Так сладко ослепляет взор,
Как будто в детстве утром, летом,
Спросонья выбежал во двор.*

Всё-таки что это за свет, непрестанно, вплоть до предсмертных строк, возникающий в поэзии Ступина, что это за символ? Какое он имеет происхождение? Я пишу эти заметки в рамках цикла "Литература сопротивления". Оправдано ли такое название по отношению к ступинской поэзии? Думаю, да. Говоря откровенно, я уверен в этом.

Но чему сопротивлялся — всей своей жизнью и поэзией — Геннадий Ступин? Можно ограничиться указанием на то, о чём уже говорилось, — он был постоянным автором "Дня", "Завтра", "Нашего современника", следовательно, он сопротивлялся осквернению русского духа, истреблению русского семени.

И снова, лишённого права и слова,
Лишённого Родины, дома и доли,
Меня укрывает, как сына родного,
Лес тёмный, овраг и широкое поле.
Коль нету в Отчизне мне места для жизни,
Незримою вечною тенью повсюду
Я буду гулять и свистать по Отчизне
На ужас и гибель вора и чудам.

У Геннадия Ступина есть много стихов, подобных этим, — стойких, неподкупных, неповиновенных. Но тогда, в проклятые 90-е, он, кажется, не ведал, что ему предстоит ещё одна схватка, и куда более суровая.

...А когда пройдёт всё мимо,
Чем тревожила земля, —
Та, кого любил ты много,
Поведёт рукой любимой
В Елисейские поля.

(Александр Блок, "Последнее напутствие")

Кстати, какое это удивительное завершение у Блока — "В Елисейские поля". Сколько помню, ни один вменяемый знаток или поклонник поэта не отважился объяснить, почему "Елисейские поля"? Может быть, означает он образ мировой культуры, в которой единственно и способна найти успокоение русская

душа?..

В чём могла найти успокоение душа Геннадия Ступина, судя по стихам, так издавна, так остро чувствовавшая смерть? Во всяком случае, не в Елисейских полях как символе мировой культуры, даже не в Пушкинском доме. И не потому, что ему не достало того высокого образования, которое было у Александра Блока. Геннадий Ступин понимал, а если не понимал, то чувствовал, что Елисейские поля своим созданием обязаны чуждом ему религиозным ценностям. От Елисейских полей рукой подать до Ватикана, а уж дальше и говорить не хочется.

Тот некролог, о котором я говорил вначале, Владимир Б